Политика местной администрации в вопросе водворения русского крестьянства в Приморской области во второй половине XIX в.

Я.А. Барбенко

Барбенко Ярослав Александрович – ст. преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и социологии Института международных отношений и социальных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Тел.: 8-924-1252589

Эл. почта: prohist@narod.ru

Статья посвящена вопросам эволюции политики администрации Приморской области в отношении принципов водворения крестьян-переселенцев на протяжении второй полвины XIX в. Рассматривая политику переселения и водворения русских крестьян, можно выделить три этапа: 1855 − 1861, 1862 − 1882, 1883 − 1900 гг. В ходе исследования была выявлена тенденция смягчения принципов водворения крестьян, которая совпадает с тенденцией нарастания количества переселенцев, а также с формированием более адекватной и полноценной системы управления.

Сегодня, как и сто лет назад, российский Дальний Восток стоит перед проблемой малой заселённости, опасной по соседству с многолюдным Китаем. Правительство обращается к переселению как средству пополнения населения региона. В этих условиях опыт управления вселением на местах имеет не только историческую, но и практическую ценность. Наиболее массовой категорией переселенцев на Восток России долгое время было крестьянство; анализ богатого опыта администрации Приморской области в вопросе водворения крестьян-переселенцев может быть полезным при разработке современных планов заселения дальневосточных окраин России.

В силу удалённости Приморской области и сложности природных и социальных условий начальной колонизации, правительство играло в освоении пространств Дальнего Востока ключевую роль. Каким же образом государство смотрело на проблему водворения крестьян в Приморской области и решало её? Следует помнить, что колонизационная политика определяется не только законами и постановлениями правительства – ключевую роль в этом вопросе играет позиция местной администрации как высшего уровня (губернаторов областей и генерал-губернаторов), так и среднего и низшего (от окружного начальства до переселенческих чиновников). Это тем более актуально, что на окраинных территориях местная власть традиционно играет бóльшую роль, чем в центральных

районах страны; Восток России является в этом смысле очень хорошим примером [1].

Проблема колонизационной политики является одной из наиболее популярных у исследователей прошлого Дальнего Востока. В силу высокой роли центра в жизни окраин страны, первые данные о значении государства в заселении Приморской области относятся уже к XIX и началу XX веков, информацию об этом можно почерпнуть из работ Ф.Ф. Буссе, Н.А. Крюкова, П.Ф. Унтербергера, А.А. Риттиха, А.А. Меньщикова и других [2]. Для указанного периода характерен очень широкий взгляд на «политику переселения», как целое, включающее и мероприятия правительства, и усилия местной власти. И действительно, Приморская область и ее администрация объективно зависели от центра практически во всем и особенно в вопросе переселения и колонизации. Иначе объясняет это обстоятельство Н.М. Ядринцев, указывая на авторитаризм русской власти, ограничивающий свободу переселения [3].

Переоценка хода и итогов колонизации дореволюционного времени характерна для исследовательской традиции 20 – 30-х гг. XX в. Если на предыдущем этапе изучения акцент делался на успехах колонизации (при прагматичном учёте недостатков), то с 20-х годов разворачивается негативная критика «царистской» практики переселения [4], постепенно нарастающая в течение 30-х и 40-х годов, заканчиваясь на публицистической ноте. Тем не менее, в начале 20-х гг. колонизационный опыт предшествующего времени активно изучался. Так, в одной из своих работ Л. Чарнецкий анализирует дореволюционную политику освоения восточных окраин страны, её особенности и итоги [5]. Его подходу свойствен взгляд, связанный с вопросами обустройства и обеспечения переселенцев всем необходимым на местах, что и является основным критерием оценки колонизационной политики. Действия местной власти растворяются у данного автора в правительственном курсе.

Советская исследовательская традиция послевоенного времени, так же как и современная, реализуют уже закрепившийся подход в рассмотрении политики колонизации. Так, анализ начального заселения русскими Амура на рубеже 50 – 60 х гг. XIX в., проведенный К.Ф. Шергиловой, позволяет отметить «независимость в суждениях» генерал-губернатора Муравьева, предлагавшего заменить государственное переселение вольным [6]. Тем не менее и в данной работе государство выступает как единство центральной и местной власти: губернаторский корпус однозначно стоял на крепостнических позициях запрета вольной колонизации [7]. Описывая процесс переселения крестьян в Уссурийский край, Н.К. Кольцова обращается к практике местных институтов власти (кстати сказать, экстраординарных и имеющих совещательный характер − Комитет Сибирской дороги, Комиссия для пересмотра закона 26 марта 1861 года), только анализируя события конца XIXвека [8]. В.М. Кабузаном все колонизационные мероприятия русской власти на Дальнем Востоке

связываются опять-таки с политикой центра. Политические и управленческие процессы, с точки зрения автора, существуют непосредственно между субъектом-правительством и объектом-народом [9].

Современные исследования также обходят стороной вопрос роли местной власти и в реализации постановлений правительства, и, собственно, в размещении крестьянства в области. Интересно отметить позицию Т.Я. Иконниковой, противопоставляющей высшую и местную администрацию, которую представляет генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, по вопросам колонизации Дальнего Востока [10]. Ю.Н. Осипов, в своей последней книге достаточно полно раскрывая переселенческую политику Петербурга, «не видит» местную администрацию ниже уровня генерал-губернатора, то есть деятельность местных органов власти остаётся нераскрытой [11]. О.П. Федирко отмечает, что до XIX века правительственная политика в отношении восточных окраин страны была пассивна, предоставляя инициативу «царским наместникам». Анализ колонизационной политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX − начале XX вв. производится на материале постановлений правительства, местная администрация уходит за рамки работы [12]. Указывается на присутствие и роль местной власти в процессе колонизации в работе О.Л. Васильченко: «В ходе переселенческого процесса органы власти полностью контролировали отбор и перемещение семей на Восток, их устройство на новом месте» [13]. Исключением является, пожалуй, работа В.Г. Тюкавкина, в которой автор, раскрывая черты колонизационной политики, сопоставляет интересы центральной и местной властей [14]. Однако данное издание посвящено столыпинской реформе, поэтому политика переселения, относящаяся к XIX веку, прослежена здесь лишь частично.

Таким образом, в исследовательской традиции политики переселений на Дальний Восток существует пробел, связанный с недостатком внимания учёных к роли местной власти в процессе переселения и размещения пришлого крестьянского населения в дореволюционное время, особенно в XIX веке. Предлагаемая статья имеет целью показать, каким образом и в какой степени местная администрация следовала духу и букве закона при организации размещения крестьян-переселенцев в Приморской области во второй половине XIX века − в период складывания и «отработки» переселенческой политики на Дальнем Востоке.

Рассматривая политику переселения и водворения русских крестьян в Приморской области в XIX в., можно выделить, по крайней мере, три качественных этапа: 1855 − 1861, 1862 − 1882, 1883 − 1900 гг. С 1901 г. в связи с введением института крестьянских начальников и иными изменениями начинается новый этап политики. **Первый этап** связан с выходом Российской империи на Амур в середине XIX в. и ограничивается

1855 − 1861 гг. Учитывая специфику социальных отношений в России того времени, можно считать водворение в рамках данного этапа насильственным – переводом части зависимого населения из сибирских в дальневосточные земли; однако здесь имеются нюансы, о которых будет сказано ниже. Путём утверждения крестьян на Амуре военное начальство преследовало цели: а) заполнения, занятия территории как таковой; б) обеспечения поддержки сообщения вдоль Амура; в) продовольственного обеспечения войск и администрации на Амуре [15]. Места для крестьянских селений, отстоящие друг от друга на 20 – 30 верст в интересах почтовой гоньбы, выбирал сам Невельской, и покинуть стратегическое место без разрешения начальства крестьяне не имели права [16]. Вместе с тем, в отличие от переселенцев последующих лет колонизации, крестьяне, насильно поселяемые в указанные места, получали в собственность [17] земельные наделы площадью от 21 дес. на душу [18]. Следует помнить, что на Амур в данный период шли добровольцы и попадали в зависимость уже как новосёлы [19]. В связи с неудобством для крестьян жизни на Нижнем Амуре, многие семьи с некоторого времени начинают тайком выезжать из Приморской в Амурскую область [20], но с 1865 г. наблюдается и обратный переток [21].

Для этого этапа, как и для следующего, характерно фактическое отсутствие гражданских органов управления, ведающих вопросами устройства крестьян на местах. Долгое время (не менее чем до конца 70-х гг.) должности окружных исправников, в обязанности которых входили и вопросы переселения, занимали офицеры размещённых в области военных частей [22]. Такие «чиновники» зачастую не имели ни возможности (находясь на военных должностях), ни желания заниматься делами гражданского населения [23]. С одной стороны, это порождало авторитарность в отношениях местной власти и переселенцев, с другой − крестьяне были во многом предоставлены сами себе, налаживая новую жизнь по собственному разумению.

Итак, первый этап политики заселения Приморской области характеризуется следующими чертами: добровольный выход мигрантов из мест поселения, директивное размещение крестьянских семей, собственность крестьян на землю, директивное хозяйствование переселенцев.

Второй этап относится к периоду **1862 − 1882 гг**. Это время расширения географии русского крестьянского расселения в Приморской области. Основное отличие данного этапа от предыдущего – свободное вселение. Убедившись в том, что военный интерес не может служить основой размещения земледельческого населения, а также решив задачу овладения Амуром, администрация отказывается от политики навязывания мест поселения. Крестьяне теперь имеют возможность самостоятельно выбирать место жительства. Это приводит к неоднократным переездам крестьян внутри области и даже одной округи [24].

В соответствии с «Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» от 27 апреля 1861 года, предполагалось, что указанные земли могут заселяться как отдельными семьями, так и целыми обществами. При этом, размер обществ устанавливался не менее чем в 15 семей, норма наделения землёй – до 100 десятин на семью [25]. Закон дозволял свободный выбор мест вселения, провозглашая право пользования землёй первому, заявившему о своём желании. Предполагалось между арендуемыми, используемыми или приобретёнными в собственность участками оставлять государственные земли [26]. Приоритет в заселении отдавался прибрежным землям и, судя по описанию в тексте закона, Южно-Уссурийскому краю [27]. Территории в районе Уссури пользовались особыми условиями при заселении на фоне остальных земель области. Поселенцы в Уссурийском крае имели право продажи неиспользуемой или казённой земли, а жители других районов области – нет. Эта льгота, однако, относилась только к обществам переселенцев и не касалась отдельных семей. Отдельное хозяйство обязано было освоить весь отведённый ему участок земли в пятилетний срок, в противном же случае правительство имело право участок изъять; эта норма к целым обществам, очевидно, не относилась [28].

Можно видеть, что правила вселения в Приморскую область для земледельцев преследовали цель занять как можно бóльшие площади. Местная администрация пошла ещё дальше центральной, превратив 100-десятинную квоту наделения землёй семей переселенцев из максимума в норму. Из литературных источников [29] известно, что минимальная (душевая) норма наделения землёй составляла 15 дес., а максимальная (семейная) – 100. Думается, что отказ от минимальной нормы [30] имел два значения: политическое – скорейшее заполнение территорий хозяйствующим населением, процедурное – упрощение наделения землёй переселенцев и снижение затрат на обеспечение вселения. Если не принимать во внимание невысокий приток русских в Приморскую область на данном этапе, то можно сказать, что прописанная в «Правилах…» 1861 г. политика вселения вполне воплощалась в действительность.

Отличительная черта политики администрации в отношении заселения Приморской области 60-х – начала 80-х гг. – отсутствие принуждения: крестьяне продолжали селиться по Амуру, поскольку не знали сначала иной земли. Позже отмечается отток населения северных округов на юг – в более благоприятный Южно-Уссурийский округ [31]. Разрешение крестьянам на вторичное переселение выдавалось при условии, что новым местом жительства были бы земли Приморской области [32]. Но и такие свободы давались далеко не всем, поскольку власть была по-прежнему заинтересована в людности Амура. Известно различение «расселенных… вдоль… берегов Амура… наиболее с целью содержания почтового сообщения» и «водворившихся по свободному выбору… в Южно Уссурийском крае», относящееся к 1870 году [33].

Таким образом, пережитки первого этапа вселения оставались и на втором, что можно объяснить как преимущественно военно-политической колонизацией Амурского края, так и малолюдьем земель Приморской области.

В рамках второго периода вселения начинается колонизация Южно-Уссурийского края. Здесь политика администрации была более мягкой: селение Турий Рог, возникшее в 1863 г., было основано крестьянами, самостоятельно испросившими разрешение на переселение и выбравшими место [34]. На противоположном конце края в 1860 г. возникает селение Фудин, также избранное ходоками с Амура [35]. Русское командование, заинтересованное в скорейшем заселении южного округа, не только не стесняло здешних иммигрантов, но и объявило о возможности переезда сюда семей из Амурской области при денежной поддержке властей [36]. А ведь на данном этапе государственная поддержка переселения, в целом по стране, не предусматривалась [37]! В Южно-Уссурийском крае переселенцы расселялись свободно – без указки администрации, – однако их выбор определяли условия природной среды. В 60 – 70-е гг. определяется ареал преимущественного вселения в Южно-Уссурийский край, это наиболее выгодные долины притоков Японского моря – Сучана, Майхэ, Суйфуна, а также окрестности оз. Ханка.

Второй этап политики заселения Приморской области характеризуется сменой норм и методов управления переселением и водворением, здесь уживаются как старые насильственные и новые либеральные меры. Данный этап характеризуется следующими особенностями: добровольный выход, директивное и свободное размещение, для некоторых районов право собственности на землю, директивное и свободное хозяйствование.

Третий этап, связанный с массовым вселением крестьян в Приморскую область, длится **с 1883 по 1900 гг**. Первые этапы характеризуются, так сказать, «шатанием» в политике администрации – от полукрепостнических методов водворения до предоставления полной свободы выбора мест вселения. Третий отрезок отличается «сбалансированностью» подходов местной администрации к вопросу вселения крестьян. Вселение крестьян в Приморскую область и расселение по ней в 80 – 90-е гг. продолжалось на прежних принципах, заложенных «Правилами…» 26 марта 1861 г.

Практика администрирования крестьянского вселения в область на данном этапе может быть определена как «управляемое вселение», поскольку именно с начала 80-х гг. (1882) существует Южно-Уссурийское переселенческое управление [38], проводятся землеотводные работы, определяющие границы крестьянского землевладения. Это в большей или меньшей мере обеспечивало уход за переселением и водворением крестьян, организацией условий для укоренения и развития их хозяйства. Для данного периода характерна следующая схема административных

органов, надзирающих за крестьянскими делами, в том числе и переселением и водворением (см. табл. 1).

Таблица 1

Система органов управления крестьянами в Приморской области в конце XIX в. [39]

Институт	**Окружная земская полиция**	**Переселенческое управление**
Должностные лица	Начальник округи Заместитель начальника Участковый пристав	Заведующий переселением Чиновники Переселенческого управления
Функции институтов	Взимание пошлин, землеустройство, «ведание крестьянскими делами», некоторые судебные функции	Дела по переселению морем, устройство новосёлов, наделение землёй, «экономическая часть переселения», представление интересов крестьян перед вышестоящими органами управления.

Окружная полиция ведала делами на местах в целом, однако каждый из указанных институтов: земская полиция, переселенческое управление, а также сельское управление – имел свои функции, и они не складывались в иерархию, поскольку существовали в своей функциональной области. Тем не менее, окружная администрация являлась вышестоящей инстанцией по отношению и к переселенческому, и к сельскому управлениям.

На протяжении большей части изучаемого периода для практики управления водворением крестьян характерными чертами были следующие: а) отсутствие подробных планов местности и, соответственно, необходимость изучения и оценки земельных угодий непосредственно в процессе размещения крестьян [40]. Однако следует отметить факт разведывательных рейдов чинов Переселенческого управления для предварительной оценки потенциально заселяемых территорий [41]. Подробная съёмка местности и формальное наделение землёй (межевание) специально уполномоченными на это чинами проходило, чаще всего, уже по факту вселения и оседания крестьян на территории [42]; б) недостаток кадров для обеспечения размещения крестьянских семейств и их хозяйств, разбирательства возникающих споров [43]. Всё это затрудняло водворение крестьян и создавало условия для претензий государства к крестьянам и противоречиям между обществами по поводу правильности размещения селений и отвода (захвата) земель.

В источниках, отражающих, собственно, процесс вселения крестьян и момент их «распределения», нет чётких указаний на размеры вновь создаваемых обществ. Наиболее точное указание встречается в постановлении комиссии по определению границ наделов крестьянских обществ в составе областного землемера, секретаря Переселенческого

управления и представителей окружной и волостной администрации. Эта комиссия решала вопрос о праве на существование деревни Воскресенской. Факт того, что последняя располагала наделом на 50 семей, положительно решил судьбу деревни [44]. Данное обстоятельство позволяет заключить, что такое количество семей вполне даёт селению право на существование. К моменту окончательного межевания в Воскресенке проживало 14 семей [45], что серьёзно сокращает масштабы селения, но вполне сопоставимо с нормами 1861 г. Более того, в момент (правда нелегитимного, самовольного) основания Воскресенки там обосновались всего 7 семей, в то время как в соседнем (легитимном) Спасском – 14 [46]. В целом, политика местной власти вполне соответствовала существующим нормам, ведь основатели и Спасского, и Воскресенского принадлежали к одной партии и одновременно направлялись в одну местность. Однако засельщики сами внесли поправки в практику водворения и раскололись на части (обе в дальнейшем некоторое время составляли одно общество [47]). Учитывая то, что, несмотря на своеволие и нарушение распоряжений начальства, Воскресенка была сохранена, можно заключить: местная администрация более следовала духу, чем букве закона. Дополнительной (помимо величины надела) причиной сохранения Воскресенки было стремление поддержать уже утвердившиеся хозяйства крестьян [48].

В целях прояснения общей ситуации возникновения крестьянских селений, можно указать на статистику для ряда деревень Южно-Уссурийского края в отношении количества семей-основателей [49]. В 80-е гг. среднее количество семей-основателей для отдельного селения составляло 19 – 20, хотя при этом конкретные показатели колебались от 1 (Поповка, 1885 год осн.) до 45 (Халкедон, 1889 год осн.). Ф.Ф. Буссе приводит следующие нормативные показатели: от 10 до 25 [50]; другой источник уточняет это условие: «Переселенцам по их прибытии было предложено разделиться на общества, придерживаясь по возможности нормы в 25 семейств…» [51]. Для оценки политики администрации можно установить количество «нелегитимных» при основании селений, то есть таких, которые были основаны менее, чем 15 семьями. Политику местных властей следует признать весьма либеральной: около 40% селений основано крестьянами по собственной инициативе наперекор наставлениям начальства, более того – явно незаконно. То, что начальство пошло навстречу таким засельщикам (Воскресенка являет собой очень яркий пример), объяснить можно следующим образом. Во-первых, 80-е годы – время массового вселения крестьян в Приморскую область, а это значит, что даже «неукомплектованные» селения в близкой перспективе имеют возможность вобрать в себя должное количество жителей. Во-вторых, местная администрация не обладала достаточным числом кадров, а потому не могла отслеживать живой ход вселения и гибко реагировать на отклонения. В-третьих, местное начальство было заинтересовано в

распространении русских по области и только выигрывало от самоуправства крестьян. Самовольное основание заимок и целых селений было не только распространённым явлением, но и признавалось администрацией. Она видела в данном случае свою задачу в том, чтобы привести такие населённые пункты в известность и (что немаловажно!) включить их жителей в систему существующих повинностей [52].

В соответствии с Правилами 1861 года население должно было распределяться по территории области с интервалами – между наделами крестьянских селений должны были оставаться свободные государственные земли. Практика же говорит о несколько ином подходе. Ф.Ф. Буссе, раскрывая нормативы, отмечает, что между деревнями необходимо оставлять расстояние не менее 10 верст [53], что вряд ли предполагает существование между крестьянскими наделами свободных государственных земель. Об этом говорят и другие случаи – при организации крестьянского селения Спасского поселенцам дано было указание «селиться в одно месте» [54], т. е. компактно. Однако задача скорейшего заселения, заполнения территории осознавалась на месте не менее чем в столице [55]. В Приморской области, как и в целом на Дальнем Востоке, избалованные изобилием угодий крестьяне стремились приобрести лучшие земли, которые размещались «не сплошь». Однако, чтобы не допустить перекоса в качестве надельных земель у разных обществ, упростить очертания границ общественных крестьянских наделов и рационально уплотнить население, ответственные лица стремились умерить аппетиты крестьян-захватчиков: «принимая во внимание, что местность дозволяет образование самостоятельнаго селения при устье Сандугана, признается целесообразным не подходить к устью реки Сандугана с Ширяевским наделом ближе семи верст…» [56] (из решения землеотводной комиссии).

Самый ответственный этап вселения – наделение землёй. От сбалансированного надела с правильно и справедливо определёнными границами зависели и благополучие новосёлов, и их отношения с соседями и властью, то есть успех процесса колонизации и освоения целого региона. В целом, для процесса наделения землёй можно отметить следующие узловые моменты: а) разделение территории Приморской области на две зоны заселения – привилегированный по условиям заселения Уссурийский край и остальные земли как стандартные территории; б) приоритет вселения целыми обществами перед отдельными семьями; в) норма наделения землёй – до 100 дес. на семью.

По первому узловому моменту следует отметить, что такое разделение территорий области изначально преследовало цель: привлечь поселенцев на вновь приобретённые земли. К началу 80-х гг. эти земли уже не были «вновь приобретёнными», были достаточно известны. Более того – они оказались по своим условиям более привлекательны в природном и более доступными в транспортном отношении, чем амурские.

Соответственно, льгота на приобретение земли в Уссурийском крае теряет свою поощрительную функцию, становясь скорее приятным сюрпризом для тех, кто и на Амур-то не собирался. Однако льгота эта по причине переизбытка земель в Южно-Уссурийском крае крестьянами не использовалась [57].

Второй момент в практике водворения крестьян получает более широкое распространение. Тяга приморцев к основанию заимок отмечается применительно к концу века, однако и выражаются обоснованные сомнения в распространённости этого явления [58]. Другой источник, наоборот, отмечает «склонность» приморцев к основанию заимок, однако население их считается нестабильным [59]. Естественно, что расселение обществами не было догмой – это вытекает и из «Правил…» 1861 г. Всё диктовали условия размещения: земли, которые могут вместить целое селение, не должны распределяться по отдельным семьям, хуторам. Те же участки, которые в силу своей площади не могут быть использованы для размещения целого общества, могут быть отданы под хутора [60]. Практика заимочного расселения смогла укорениться в крестьянской среде не ранее 70 – 80-х гг. Тогда доля русского населения в крае увеличивается до такой степени, что крестьяне перестали бояться селиться вдалеке от массы соотечественников [61]. Следует учитывать и уровень административно-полицейского контроля территории, а о его достаточности не стоит говорить до рубежа 70-х и 80-х годов [62]. То, что политика предпочтения больших групп водворяющихся перед малыми активно претворялась в жизнь, доказывается следующим: крестьянские общества использовали довод о невозможности размещения нового селения на конкретном участке в качестве основания для претензии на этот участок [63].

Претворение в жизнь третьего аспекта также неоднозначно. Сама по себе стодесятинная норма посемейного наделения землёй крестьян давно стала расхожей формулой описаний и комментариев исследователей. Уже более ста лет существует формула «старожилы-стодесятинники», подтверждая своим существованием последовательное претворение законодательной нормы наделения землёй. Но и здесь были свои нюансы, раскрывающие суть истории с гигантским наделом старожилов. В ходе затянувшегося на долгие годы земельного спора южно-уссурийских деревень Кремовой и Осиновки надел первой был существенно понижен относительно нормы: «…в Кремовском наделе на 43 семьи имеется 2100 дес., годных для распашки, т. е. на каждую семью – более 45 дес., что вполне достаточно» [64]. Вместе с тем известно, что в наделе никольского общества годных для распашки земель было до 100 дес. на семейный надел – т. е. 100% [65]. Поскольку «удобными» землями признавались и лесистые, и гористые, и каменистые участки, то подлинно удобной земли для пашни, по оценкам современников, на 100 дес. приходилось подчас 37 – 60 дес. [66]. Таким образом, налицо существенная разница в стартовых

условиях разных селений и, кроме того – вопиющий недобор земли у некоторых обществ.

Третий этап политики администрации Приморской области в отношении размещения крестьян характеризуется следующими чертами: добровольный выход переселенцев и их свободное размещение, отсутствие строгого порядка основания селений и наделения их землёй.

Итак, каким же образом можно охарактеризовать общий план и практику администрации Приморской области в отношении водворения крестьян-переселенцев во второй половине XIX в.? Очевиден приоритет политических целей не только на начальном этапе занятия территорий области, но и на следующих. Более того, многие меры только политическими мотивами и можно объяснить – например, льготы на приобретение в собственность земель только по Уссури или стодесятинный надел. Собственно экономический смысл этих норм отсутствует, поскольку такое количество земли крестьянские хозяйства не могли освоить в близкой перспективе. Осмысляя опыт претворения в жизнь колонизационных постановлений правительства, можно отметить неготовность местной власти к решению проблем, связанных с управлением водворения переселенцев. Причины тому − недостаток средств и людей, резкая смена правительственного курса, застающая исполнительную власть на местах врасплох. Тенденция смягчения принципов водворения крестьян, реализуемых местными органами власти в Приамурье во второй половине XIX в., совпадает с тенденцией нарастания количества переселенцев, а также с формированием более адекватной и полноценной системы управления. Надо полагать, что «заброшенность» и бесконтрольность крестьян на втором этапе имеет иную природу, чем те свободы, которые они получили на третьем этапе. Разница, собственно, и состоит в управленческом обеспечении, бывшем в период 80 – 90-х годов на несравненно более высоком уровне.

Говоря о государственном характере крестьянской колонизации Дальнего Востока, необходимо чётко представлять границы властного влияния. На приведённом примере управления водворением крестьян-переселенцев можно отметить, что власть имеет влияние на процесс перемещения мигрантов в том случае, если она выступает его инициатором. Попытки же управлять стихийным процессом расселения крестьян долгое время оставались безуспешными. Этим можно объяснить отклонения от существовавших норм водворения, которые практиковала или покрывала местная администрация. Как это обычно бывает, действительность оказывается гораздо шире и богаче теории, именно это и можно наблюдать в вопросе управления водворением крестьян в Приморскую область во второй половине XIX в.

Литература и источники:

1. Супоницкая, И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX века) / И.М. Супоницкая // Одиссей: человек в истории. 2005. – М.: Наука, 2005. – С. 219 – 240, 230.

2. Информацию об изданиях этих авторов см.: Осипов, Ю.Н. Крестьяне старожилы Дальнего Востока России. 1855 – 1917 гг. / Ю.Н. Осипов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – С. 6 – 8. (Здесь и далее я не останавливаюсь на всех работах, относящихся к обсуждаемой теме, отмечаю только самые характерные).

3. Ядринцев, Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом отношении / Н.М. Ядринцев. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – Гл. VII.

4. Георгиевский, А.П. Расселение русских на Дальнем Востоке / А.П. Геогиевский // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5. Человек. – Владивосток – Хабаровск: Книжное дело, 1927. – С. 55 – 58.; Матвеев, З.Н. История Дальневосточного края / З.Н. Матвеев. – Владивосток: Владив. отд. ГосРГО, 1929. – С. 372.

5. Чарнецкий, Л. Методы и итоги прошлой колонизации Приморья и ближайшие колонизационные мероприятия в будущем / Л. Чарнецкий // Советское Приморье. – 1925. – №3. – С. 10 – 36.

6-7. Шергилова, К.Ф. Начало заселения Дальнего Востока в конце 50-х и начале 60-х гг. XIX в. / К.Ф. Шергилова // Ученые записки Хабаровского педагогического института. Т. 1. – Хабаровск: б. и., 1956. – С. 17 – 34.

8. Кольцова, Н.К. Переселение крестьян в Уссурийский край накануне первой русской революции / Н.К. Кольцова // Из истории революционного движения на Дальнем Востоке в годы первой русской революции. – Владивосток: Приморское книжное издательство, 1956. – С. 127 – 147.

9. Кабузан, В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795 – 1917 гг.) / В.М. Кабузан // История СССР – 1979. – №3. – С. 22 – 38.

10. Иконникова, Т.Я. Переселенческое движение на Дальний Восток (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Т.Я. Иконникова // Очерки истории родного края: Учебно-методическое пособие. – Хабаровск: б. и., 1993. – С. 79.

11. Осипов, Ю.Н. Крестьяне старожилы... С. 42 – 56.

12. Федирко, О.П. Колонизационная политика на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. / О.П. Федирко // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века): Материалы межд. науч. конф. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 390 с. С. 325 – 328.

13. Васильченко, О.Л. Государственная политика по перемещению семей и организации их на Дальнем Востоке (1860 − 1941 гг.). Автореферат... / О.Л. Васильченко. − Иваново: б. и., 2005. – С. 28.

14. Тюкавкин, В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская

аграрная реформа / В.Г. Тюкавкин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 304 с. С. 226.

15. Меньщиков, А. Очерк заселения низового Амура // Журнал предварительнаго междуведомственнаго совещания по вопросу о мерах, которыя должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи / А.А. Меньщиков. – Б. м.: б. и., б. г. Приложение №3. – С. 1.

16. Аргудяева, Ю.В. Переселение русских крестьян в Приамурье (50 – 60-е гг. XIX в.) / Ю.В. Аргудяева // Первые Муравьевские чтения. – Владивосток: 1999. – С. 34 – 37.

17-18. Грум-Гржимайло, Г.Е. Описание Амурской области / Г.Е. Грум-Гржимайло. Под ред. П.П. Семенова. – СПб.: б. и., 1894. – С. 415, 421.

19. Буссе, Ф.Ф. Переселение морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах / Ф.Ф. Буссе. – СПб.: б. и., 1896. – С. 109.

20. Там же. – С. 25.

21. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 118 об.

22-23. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 42. – Л. 44 – 44 об., 88, 89, 123, 125.

24. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 227. – Л. 115 об., 118 об.

25 – 29. Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. VIII. Ч. II-я. – Иркутск: б. и., 1884. – С. 192 – 196.

30. Крюков, Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей / Н.А.Крюков. – М.: б. и., 1896. С. 12 – 13.

31. Меньщиков, А. Очерк заселения низового Амура... – С. 2.

32. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С. 25.

33. РГИА ДВ – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 320. – Л. 187 – 187 об.

34. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С. 25.

35. Меньщиков, А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятинники. Том. IV. (Описание селений.) / А.А. Меньщиков. – Саратов: б.и., 1912. – С. 533.

36. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С.110.

37. Аргудяева, Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е годы XIX в. – начало XX в.) / Ю.В. Аргудяева. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1997. – 316 с. – С. 23.

38. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 5. – Д. 112. – Л. 7 об.

39. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С. 89.

40. Буссе, Ф.Ф. Указ соч. – С. 57; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. / П.Ф. Унтербергер. – СПб.: б. и., 1900. – С. 264, 265, 269; РГИА ДВ. – Ф. 1, – Оп. 1, – Д. 10. – Л. 7 – 28 об.

41. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 857. – Л. 72 – 91 об.

42. Там же. Л. 87; – Д. 637. – Л. 22 об. – 23; ГАПК. – Ф.1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 4А. – Л. 2.

43 – 48. АПК. – Ф. 1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 9, 11 – 12, 14, 27, 44, 50.

49, 50. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С. 34 – 39.

51. Крюков, Н. А. Опыт описания... – С. 124.

52. ГАПК. – Ф. 1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 3 об.; ГАПК. – Ф. 1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 96 об. – 97.

53. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С. 35.

54. ГАПК. – Ф. 1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 18 об.

55. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С. 34.

56, 57. ГАПК. – Ф. 1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 7. – С. 133, 136 – 140.

58. Буссе, Ф.Ф. Указ. соч. – С. 134.

59. Населённые места Приморской области в 1896 году. Составил врач И.С. Колбасюк, и. д. секретаря Приморского областного Статистического Комитета / И.С. Колбасюк. – Никольск-Уссурийский: б. и., 1899. – С. 21 – 22.

60. РГИА ДВ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 857. – Л. 84.

61. Крюков, Н.А. Опыт описания... С. 21.

62. Шелудько, В.О. Органы внутренних дел Приморья (1860 – 1917 годы) /В.О. Шелудько, А.Н. Буяков, В.А.Черномаз. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 386 с. С. 40.

63. ГАПК. – Ф. 1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 48 – 48 об.

64. ГАПК. – Ф. 1 (дореволюционный). – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 71 об.

65. Крюков, Н.А. Опыт описания... С. 6 – 7, 13.

66. Любатович, Б.С. Посьетский район / Б.С. Любатович // Из истории сёл Посьетского района: Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2004. – С. 51 – 63.